

Глава 1

*Мейфэр, Лондон
1815 год*

Титул герцога Холлиндрейка перешел к майору Тэтчеру после смерти деда, а вместе с титулом — земли, дома и богатство. Но никто в свете ему не завидовал, поскольку он также унаследовал заботу о маркизах Стэндон, вдовах трех предыдущих наследников.

Две вдовушки, Минерва (жена Филиппа, дяди Тэтчера) и Элинор (жена его дяди Эдварда), соответственно дочери графа и барона, весьма надменны и заносчивы.

Третья леди Стэндон, урожденная мисс Люси Эллисон, вдова старшего брата Тэтчера, Арчибальда, заставляла свет терять дар речи. Или ошеломляла. В зависимости от дня недели.

Сегодня среда. Зажав в руке приглашение жены Тэтчера, знаменитой герцогини Холлиндрейк, Люси вышла из кареты на Брук-стрит с намерением продемонстрировать безупречное поведение и изысканные манеры. С этой целью она надела свое любимое платье из зеленого шелка и в настоящий момент обдумывала предстоящий разговор.

«Ваша светлость, я не понимаю, о чем говорит владелец гостиницы. Повреждено целое крыло? Но когда мы уезжали, пожар почти погасили».

Люси замерла на ступеньках. Нет! Так не годится. Из этого можно сделать вывод, что пожар возник по ее вине. Но никаких доказательств этому нет.

По крайней мере убедительных.

Она сделала глубокий вдох и продолжала обдумывать то, что скажет.

«Ах, ваша светлость, как вы чудесно выглядите! Письма? Какие письма? От Минервы? Осмелюсь сказать, она сильно ошибается. Я уже написала ей, что мы останемся в Ланкашире на весь декабрь. Откуда мне было знать, что она приедет в компании восьми человек и нас всех две недели будет заваливать снегом? Но это было очень милое, уютное и веселое Рождество».

Да, звучит так, будто у них всегда все замечательно, но это неправда.

Она понятия не имела о том, что у леди Гиллмор аллергия на миндаль? Или что лорд Уэйнрайт обидится, когда ему укажут на жульничество в картах? Или что мистер Маки предназначен для мисс Гиллмор?

Люси покачала головой. Испорченная девчонка! Да эта юная леди должна быть благодарна, что ей открыли глаза на то, каким негодяем оказался ее предполагаемый нареченный. Люси, разумеется, ни разу не намекнула этому мерзавцу на то, что желает видеть его в своей спальне.

По правде говоря, она с отвращением обнаружила, что он ждет ее, голышом развалившись в ее постели.

И если бы она одобряла его выходки, разве закричала бы и погнала его кочергой? Мисс Гиллмор и ее родители не поверили ей. Даже Минерва не поверила. И все потому, что она «эта леди Стэндон».

Томас Уильям, бывший слуга ее отца, выгружал багаж на тротуар.

— Вы уверены, что это подходящее место, мисс Люси? — Он настороженно посмотрел на простую дверь.

— Это ведь Брук-стрит? — ответила она, расправляя перчатки и проверяя, должным ли образом завязаны ленты шляпы.

— Да, — ответил он, водружая шляпную коробку на дорожный сундук.

— И номер дома, который назвал нам дворецкий его светлости?

Томас Уильям окинул скептическим взглядом невзрачный дом и прищурился.

— Да, этот. Но не нравится мне все это, очень не нравится. И ее вызов, и вся эта неопределенность.

— Мне тоже, — развела руками Люси. — Но что я могу поделать? Ведь она герцогиня. — «К сожалению...», — хотела добавить она.

— Да уж, от нее всякого можно ждать, — проворчал Томас Уильям довольно громко. Он так давно служил семейству Люси, что без угрызений совести высказывал свое мнение, особенно ей.

— Слишком ты мнительный, Томас Уильям, — упрекнула она его. Хотя сама не испытала приступов растерянности из-за внезапного вызова герцогини, вернее, «любезного приглашения», как милая Клапп, пожилая компаньонка Люси, охарактеризовала необходимость упаковать все имущество и со всем окружением явиться в Лондон.

Но теперь, когда они здесь, Люси собиралась смело выступить против львицы в ее собственном логове. Она снова вздохнула и вернулась к сочинению унылого перечня объяснений и извинений, которые могли бы избавить их от предстоящей расплаты. Поскольку Люси не знала, что будет делать со своим сомнительным сборищем иждивенцев без покровительства герцога Холлндрейка, точнее, без благосклонности герцогини. Без собственного дома, с такими малыми средствами, что о них и говорить не стоит. У нее нет другой крыши над головой, кроме той, что может дать ей мало обещающее положение леди Стэндон.

Погруженная в размышления, Люси едва слышала, как открылась дверь, и не обратила внимания на торопливо спускавшегося по ступенькам мужчину, поскольку привыкла к расторопности слуг герцога.

Самое время кому-нибудь из лакеев помочь бедному Томасу Уильяму, подумала она.

Но чего Люси представить себе не могла, так это то, что мужчина не заметит на своем пути груду

разнообразного багажа и, споткнувшись, приземлится рядом с Томасом Уильямом.

Ударившись, мужчина выпалил ругательство, из тех, которые не должны касаться нежного уха леди.

Но Люси даже не поморщилась: подобную лексику она слышала большую часть жизни, а теперь у нее полно новых забот.

— О боже! — вздохнула Люси, глянув на мужчину, который все еще лежал, схватившись за бок. Что она будет делать, если у него перелом?

Нетрудно представить себе неудовольствие герцогини от того, что один из ее лакеев не в состоянии выполнять свои обязанности из-за багажа Люси.

Это будет последней каплей, переполнившей чашу ее терпения.

Но к ее облегчению, мужчина быстро поднялся, отряхнул сюртук и гордо расправил плечи.

— Слава богу, — вздохнула она, поскольку мужчина, похоже, в полном порядке. — Извините, любезный, — обратилась к нему Люси. — Вы справитесь с теми тремя коробками? Они не так тяжелы, как кажется.

Отвернувшись от сцены своего последнего преступления, она собрала все свое мужество и как ни в чем не бывало стала подниматься по лестнице.

Но когда Люси поднялась на верхнюю ступеньку, у нее возникло неприятное чувство, что за ней следят. Она — дочь своего отца — резко повернулась и, ожидая увидеть лакея с багажом, оказалась нос к носу с призраком из ее прошлого.

Если не считать того, что он жив. Еще как жив.

Оказалось, что это не лакей, спешивший помочь им. Не слуга Холлиндрейка споткнулся о ее багаж. С выражением, которое она не могла разобрать, на нее смотрел мужчина, которого она никак не ожидала снова увидеть.

Он! Собственной персоной! Граф Клифтон!

Она никогда не была способна расшифровать выражение его непостижимых синих глаз. И не могла справиться с сердцем, которое учащенно билось.

«Это он. Он, Люси. Это он».

Его вид заставил ее забыть о том, что сегодня среда, день встречи с герцогиней, что она теперь леди, даже маркиза, вдобавок вдова. И самое главное, Люси забыла, что ее поведение должно быть безупречным.

— Боже милостивый! Гилби, это вы? — начала задыхаться она, чувствуя, как дрогнули под платьем колени.

Она, Люси Эллисон, дрожит, как дебютантка. Воистину это поразительный день!

— Мисс Эл-лисон, — запнулся он, в его голосе не было прежней симпатии, которая когда-то была между ними.

Они стояли, уставясь друг на друга, и годы разлуки казались лишь мгновением ока.

«Я вернусь за тобой, Гусси. Обещаю. Ведь я люблю тебя!» — «Ловлю тебя на слове, Гилби, — поддразнила она его в ответ. — Если ты не вернешься, я сама тебя найду».

Но он не вернулся.

— Извините, — проговорил Клифтон. — Мне не следовало обращаться к вам по девичьей фамилии, но не знаю фамилии вашего мужа.

Она покачала головой.

— Вы все еще можете называть меня Люси, милорд.

— Тогда Люси, — согласился он.

Они снова уставились друг на друга, она упивалась его видом, сердце взволнованно билось, когда она вглядывалась в его все еще красивое лицо.

Когда-то она знала каждую его черточку, запомнила прежде, чем он уехал, и все эти годы хранила его облик в своем сердце. Но теперь... Было в его взгляде что-то незнакомое, чего она не могла понять.

И от этого мурашки побежали у нее по спине. Это не он!

Люси понимала, что нужно что-то сказать и перестать глазеть на него.

Не искать мужчину, которого она любит.

«Любила», — мысленно поправила себя Люси прежде, чем спросить:

— Что вы здесь делаете? Я не слышала, то есть не знала, что вы...

Она закрыла рот, чтобы не выставить себя полнной дурачком.

Особенно когда он отстранился от нее.

«Это всегда было, Гусси. Ты только не хотела в это верить», — зашелестел в ее ушах голос отца, назвавший ее детским прозвищем.

— Я здесь по делу. А вы? — спросил граф вежливо, как разговаривают со случайно встреченной старой знакомой.

«Как же, знакомая!» — подумала Люси, задетая за живое. Когда-то они были неразлучны. Провели незабываемую ночь, слившись так... Она даже не предполагала, что что-то сможет разлучить их.

И все же это случилось.

— Я тоже приехала в Лондон по делу, — выдавила она, озадаченная его холодностью. — Но что привело вас сюда, в этот дом? — Расправив перчатки, Люси снова посмотрела ему в глаза.

И надеялась...

— Старое дело. — Он оглянулся на дверь. — Но это окончилось ничем.

Глянув через плечо, она задавалась вопросом, какое дело у графа к герцогине, но прежде, чем пришла к какому-то заключению, прозвучала его следующая фраза:

— ...я некоторое время назад проезжал мимо дома в Хэмпстеде и обнаружил, что там никого нет. — Граф кивнул на Томаса Уильяма, потом снова повернулся к ней.

— Вы ездили повидать меня? — В сердце Люси вспыхнула надежда, но лишь на мгновение.

В эту секунду она решила, что видит тот прежний свет, ту дерзкую искру желания в его пристальном взгляде. Тот свет, который, по давней клятве Клифтона, горел только для нее. Но, как и многое другое, это тоже оказалось неверным.

— Повидать вашего отца, — поправил граф. Потом замолчал и отвел взгляд, ему явно было крайне неловко от этой невероятной встречи.

Как будто он хотел, чтобы она скорее закончилась.

Или, хуже того, вообще не произошла.

Он снова взглянул на бывшего слугу ее отца.

— Рад видеть тебя, Томас Уильям. Надеюсь, ты здоров.

— Да, милорд, — натянуто ответил слуга, не отвечая на приветствие. Потом бросил на Люси взгляд, который обычно свидетельствовал о том, что она оказалась в затруднительном положении.

Она никак не могла понять, что навело Томаса Уильяма на такие мысли, пока он кивком не указал на карету. Вернее, на пассажиров...

— О господи, — прошептала она.

— Что-то не так? — поинтересовался граф.

— Нет, ничего. Я просто... я... вероятно, слишком злоупотребляю вашим временем.

— Нет-нет, — сказал он. — Я рад вас видеть. Это избавляет меня от необходимости искать вас.

«Он действительно хотел найти меня», — снова запели в душе победные трубы, хотя ликование, конечно, оказалось преждевременным.

— Я очень сожалею о смерти вашего отца и сестры, особенно узнав об этом от новых арендаторов. Эта случайная встреча дает мне возможность выразить вам соболезнования. — Граф посмотрел на Люси. — Уверен, потеря была для вас ужасной, особенно смерть Марианны... она была слишком молода, чтобы умереть. — Он сделал паузу, как

и большинство людей, вспоминая Марианну. Она была кокетливой и веселой, во всем видела только хорошее, вот она-то могла быть герцогиней, и прелестной.

Потом граф заговорил тише, чтобы слышала только Люси, настолько тихо, что она подумала, будто его слова ей пригрезились.

— Это был настоящий удар, прийти в дом и увидеть, что там живут чужие люди.

Но Люси прокручивала в голове другую его фразу.

«...повидать вашего отца», — сказал он.

«Он приехал повидать твоего отца, Люси Эллисон Стерлинг, не тебя. Ты глупая гусыня, если решила, что граф Клифтон вернулся бы за невоспитанной, сумасбродной девицей вроде тебя... особенно спустя столько лет».

Голос, звеневший в ушах Люси, подозрительно напоминал леди Джениву, в высшей степени добропорядочную и чопорную тетю герцога Холлиндрейка, единственную из Стерлингов, кто считал своим личным долгом постоянно упрекать Люси, наставлять, писать уничижительные записки по поводу ее поведения.

«И не паяйся на него так...», — добавила бы леди Дженива.

Что-то в Люси вспыхнуло, ее печально знаменитый нрав ожил. Возможно, родственники со стороны мужа слишком упрекали ее в последнее время или неожиданный вызов герцогини растревожил больше, чем она хотела признать.

Или, скорее, дело в Джастине Грее, графе Клиффтоне, стоявшем перед ней с банальными соболезнованиями по поводу «ужасной трагедии». Это все, что он может сказать? Смерть отца и Марианны унесла все... все, что Люси любила. Графа она больше не числила в этом списке. Бросив на него взгляд, она постаралась подражать леди Дженниве.

— Очень сожалею, что доставила вам беспокойство. Знай я, где вы или как с вами связаться...

И что тогда? Написала бы? Просила бы прийти ей на помощь?

Только чтобы разбередить старое горе? Вновь открыть уродливую правду, понять раз и навсегда, что она для него ничего не значила?

— Нет-нет, мисс Эллисон, это я должен извиняться, — возразил он. — Мне следовало раньше выразить сожаления.

Сожаления? О чем? Что целовал ее? Обещал вернуться? Или о той ночи в гостинице, когда они...

Люси прогнала прочь эту мысль. Сейчас не время. Она давным-давно осознала, какое место Клифтон занимает в ее сердце, — по крайней мере она так думала, пока несколько минут назад он не ввалился в ее жизнь.

И она еще переживала, что у него перелом!

Слава богу, этого не случилось, он достаточно здоров, чтобы уйти. И побыстрее. Нарастающая паника на лице Томаса Уильяма слишком ясно говорила, что нужно спровадить графа. И все же была еще одна тайна, которую Люси должна узнать.

Она дочь своего отца, а он всегда говорил: «Информация сохраняет жизнь».

Натянуто улыбнувшись, Люси поинтересовалась:

— И что привело вас на Брук-стрит?

Конечно, у отца была и другая любимая поговорка, у него они были на все случаи жизни:

«Знай, когда следует задавать вопросы».

— Я искал леди Стэндон... — начал граф.

— Леди Стэндон?

Люси бы меньше удивилась, если бы он объявил ей о любви до гробовой доски... и на этот раз вправду.

Вместо этого она в панике оглянулась на Томаса Уильяма, который осматривал багаж, словно решая, что схватить, если понадобится поспешно уехать.

Граф кивнул, взгляд его синих глаз настороженно сосредоточился на двери позади нее.

— Да, вы знаете ее?

— Я... я... я... — Люси беспомощно смотрела на Томаса Уильяма.

К счастью, граф совершенно не уловил причину ее растерянности.

— Я тоже так думаю. Леди только что послала меня куда подальше.

— Да? — осторожно ответила Люси, потом собралась и постаралась говорить беспечно. — Я имела в виду, что вы хотели от леди Стэндон? Она просто ужасна... — Люси демонстративно вздрогнула. — Так мне говорили.

Томас Уильям, покачивая головой, принялся собирать шляпные коробки и бросать их обратно в карету.

Замечательный человек Томас. Он знает, как она любит эти шляпы.

Клифтон сделал паузу и на мгновение всмотрелся в нее. В конце концов, он тоже ученик ее отца и, следовательно, знает все его поговорки.

— Одно старое дело. Не имеет значения. Должно быть, это ошибка, хотя непохоже, чтобы Страут так ошибся...

— Страут? — еле выговорила Люси. О господи! Томас Уильям, наверное, справится с меньшим сундуком. В нем ее лучшее платье.

— Да, мистер Страут, — повторил граф. — Но конечно, вы его знали. Какой я глупый. Он занимался делами вашего отца, не так ли?

Она лишь кивнула.

— Не понимаю, что общего у Малкома с этой ведьмой. Даже представить себе не могу, что он когда-либо встречался с ней. — Клифтон кивнул на дверь.

— Малком? — эхом отозвалась Люси. Господи, она превратилась в попугая. Надо сменить тему, и побыстрее.

— Да, вы ведь слышали о нем? — с трудом произнес граф. От боли в его голосе у Люси сердце сжалось, да так, что она едва не потянулась к нему, как сделала однажды в прошлом.

Вместо этого она стиснула руки и вежливо сказала: